

* * *

Бывает так: в ладони целый мир,
Триумф надежды и любви премьеры...
Изнашивайте молодость до дыр,
Чтоб не пылилась в хламе шифоньера!

И день и ночь – на все сто пятьдесят!
Успеть, найти, понять, узнать, влюбиться...
А зрелость, старость – важные – висят,
Чтоб с вешалок на плечи опуститься...

Устроим счастья бесконечный пир
И будем спорить, петть и целоваться!
...Изнашивайте молодость до дыр,
Чтоб с ней не страшно было расставаться.

МАЛИНОВЫЙ СВИТЕР

Теперь мне по ночам так горько спится:
Потрескивает сердце, как свеча...
Молитвы шепчут тоненькие спицы,
Серебряными клювами стуча.

Нет бабушки давно. Но кто-то вяжет
Мне свитер, повторяя: «раз» и «два»...
И тянется малиновая пряжа
Со дна души, которая – права...

К чему e-mail и номер телефона,
Коль здесь любовь, в моих руках уже?..
И музыка малинового звона
Не затихает в дремлющей душе.

КОЛОКОЛА

Когда печаль, божественно-светла,
Глухой тоской становится упрямо,
Иду я с сыном «на колокола»
К подножию стареющего храма.

И на краю испытанной весны,
Под небом – ослепительно-бессонным,
Впадаю в продолженье тишины,
Паря над Прагой колокольным звоном.

Мы оба замираем не дыша:
От изумленья – сын, а я – от боли...
Во все колокола звонит душа,
Надеясь, что услышат... поневоле.

* * *

Я успела в последний вагон,
Задыхаясь, стою на подножке.
Позади расставания звон,
Поцелуев прилипшие крошки.

Я в последнем вагоне! Жива,
Переведшая дух с облегченьем...
Дрогнув, тронулся поезд едва,
А куда – не имеет значенья.

* * *

С каждым годом весна –
Всё родней, ощутимей, понятней.
И всё чаще зима –
Как мотив в заколдованном сне...
Выпускаю стихи
Я из старой своей голубятни,
Хоть и знаю, что им
Никогда не вернуться ко мне.

Выпускаю стихи –
Навсегда прирученные мною:
Как клевали с руки!
Как ласкались, садясь на плечо!
Что возьмёшь с них? Увы...
Даже птицы в ковчеге у Ноя
Тосковали и бились
И к небу рвались горячо.

Ощутимей тепло.
Осязаемей с выдохом каждым.
Ощутимей любовь –
Многоточием. Не запятой.
Что же будет со мной,
Коль весна не наступит однажды,
И, продрогнув, приду
Я к своей голубятне пустой?

* * *

Август жизни. Катиться к прозе
Моим дрожкам из чаши рифм –
Это первый намёк на осень...
Нерешаемый логарифм,
Подвернувшийся на дороге,
Возведённый в миллионы крат
Основаньем моей тревоги –
Показатель моих утрат.

Август жизни. Всего лишь август:
Надышаться, напиться – всласть!
И горячий от солнца пандус,
Чтобы к осени – прямо в пасть,
Чтобы жёлтые листья прели
Под моею ступнёй босой...
Ведь щедрее сентябрь – апреля:
Между инеем и росой.

* * *

У меня здесь – ни дома, ни храма, ни отчества.
Видно, я в своих прошлых грехах недокаялась.
Но навеки с тобою – моё одиночество,
И навеки со мною – твоя неприкаянность.

Наши души причудливо вогнуто-выпуклы,
Так пришлись друг ко другу, что даже не верится...
Я б из этой любви обязательно выплыла,
Зацепившись серьгой за прохожее деревце...

Но зачем без тебя эта жизнь сухопутная?
Чтоб прослыть симметричною, равностороннею?
Ртом хватаю я счастье своё... беспробудное,
Что на донышке сердца навек похоронено...

* * *

Мужчин не соблазняла, не курила,
Пила – на праздник рюмочку вина...
Я безупречна, как конспект зубрили,
И, значит, неминуемо скучна.

Я в двадцать три ноль-ноль – уже ни звука:
В судьбе порядок. Сердце под замком.
Чуть-чуть сутула, сильно близорука,
С двумя детьми и тощим кошельком.

Жизнь, в общем, состоялась. Получилась.
Всё как у всех: работа и семья...
В какую щель ты всё же просочилась,
Любовь неугомонная моя?

Откуда налетела ураганом?
Мир тих был и безветрен до сих пор...
Как будто я всю жизнь играла гаммы –
А тут вдруг – Баха. Фугу ре-минор.

* * *

Боишься, что с судьбой уже не справимся?
Твердишь, что я всё время не права?..
Давай с тобой в Венецию отправимся,
Пока у нас любовь ещё жива.

Каналы упоительно-печальные,
Как жест прощанья, грустный взмах весла...
Потерянная туфелька хрустальная
Ещё одной гондолой уплыла...

Вдали Сан-Марко – площадь голубиная...
Как в детстве, птицам хлеба кроши,
И слово подзабытое – «любимая» –
Метнётся, словно голубь, из души.

Чтоб руки без объятий не истаяли,
Цепляясь за любовь едва-едва,
Бросай дела! Поехали в Италию,
Пока ещё Венеция жива!

ВОКЗАЛ

*Памяти
Людмилы Гурченко*

И этот ушёл. И платформа навеки пуста.
Навеки? Да нет! На мгновенье!
(А я без билета...)

По руслам сверкающих рельсов текут поезда,
Как многая лета. Вернее, как многие Леты.

Текут поезда и увозят с собою мечту,
Которую в сердце почти не удержишь отныне...
Едва ли уже я Рембо по-французски прочту
И вряд ли сыграю на скрипке
концерт Паганини.

В какой же состав режиссер моё имя вписал?
Ещё один поезд уходит тягучим *andante*...
И ладно! И пусть! У меня остается вокзал,
Рембо, и любовь, и надежда,
и пропасть таланта...

Живу, как могу. И не ставьте мне это в вину.
В набате судьбы я расслышала колокол глав-
ный...
А вот мой экспресс. Я с подножки рукою махну
Вокзалу, что с места – мне кажется –
тронулся плавно.

* * *

Я просто дочка и сестра.
Меня там холят и лелеют
И так отчаянно жалеют
За всё: за ливень до утра,
За недопитое вино
И кучу фантиков конфетных:
Мол, в ваших даях заповедных
Ни съесть, ни выпить – всё равно.

Да, горше пирога с тоской
Заморских сладостей замазка...
И огурцов сибирских сказка
Хрустит на сердце день-деньской!

Я просто дочка и сестра:
Меня там холят и лелеют.
И кудри облаков белеют
В пыли рассветного костра...
(Я улетала в шесть утра...)
(Россия – Чехия)

СЕРАЯ ШЕЙКА

На юг улетела крикливая стая моя,
А мне с перебитым крылом зимовать одиноко.
Все уже, страшней и тоскливей в пруду полынья,
И старый охотник случайно увидит в бинокль,
Как я, чтоб не дать ей замёрзнуть, туда и сюда
Ныряю без устали, словно в игрушечной луже...

Лиса каждый день прибегает на берег пруда
И чутко топорщит свои треугольные уши.
Всю зиму мне кажется, будто судьба – не моя,
А я проживаю чужую в угоду кому-то...
Все уже, страшней и тоскливей в пруду полы-
нья...
Глядишь – и затянется намертво через минуту.

БЕТХОВЕН

Пыль с мёртвого рояля деловито
Сметает фрау Мюллер день за днём.
Как он звучал, рояль мой! *Dolce vita!*
Моё ль остановилось сердце в нём?

Не морщась от щелчков и зуботычин,
Я накрепко, до хруста, сжал кулак:
Угрюм и одинок. Косноязычен.
И по губам читаю кое-как.

Клубок судьбы давно уже размотан,
Уплачен долг ещё одной весне.
Проросшими фасолинами ноты
Разбухли в абсолютной тишине –
Заношенной, затянутой, затёртой...

И если с губ срывается упрёк,
Теснятся пирамидами аккорды
На чёрном небе вдоль и поперёк.

А впереди – бемоль, как белый парус.
Квартет “d-moll”. Душа идёт ко дну...
Я вытяну всю музыку из пауз
И до последней ноты вам верну.